

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 9 (34) от 2 декабря 2009 г.

Смысл вольных строк

Герольд БЕЛЬГЕР
ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ
(тетрадь восьмая)

Интересно, как борется с кризисом наш «бедный латифундист»? А наши «Форбсом» признанные олигархи? Народу хотелось бы это знать. Может, они тоже перестали бриться и меньше кушать, как Жириновский?

Вся социальная, общественная жизнь нашей страны отражена в казахских собственных именах. Я в том убедился еще в школьные-студенческие годы, когда увлеченно собирал-коллекционировал казахские имена. Примеров столько, что здесь не место доказывать очевидное. Несколько лет назад я полушутя-полусерьезно предсказывал, что вот-вот появятся казахские мужские имена Кризис, Банкрот, Банк и женские – Инфляция, Девальвация, Ипотека и.т.д. И вот на днях где-то на юге родился малыш, которого нарекли именем Дағдарыс (Кризис) в полном соответствии с духом времени. Думаю, теперь и Банкрот, и Банк, и Инфляция, и Девальвация не за горами, а там пойдут и Доллар, и Евро, Кредит, Валюта, Обама, Нәубет, қасірет. Что поделаешь? Жизнь обяжет. Только Теңге, полагаю, не будет. Кому охота срамить своего ребенка столь шатким понятием?

По «Хабару» каждый божий день долдонят, что девальвация тенге – благо, прорыв, прогресс. В том смысле, что поражение – победа. Благодаря обвалу тенге, резко, мол, поднимается производство и еще мощное становится экономика страны. Надо же! Коли так, почему не устроили вождеденный обвал несколько лет раньше? Если обвал национальной валюты – благо, почему бы не устроить обвал сразу в двух - трехкратном размере? То есть, на, скажем, 90 процентов? Глядишь, от благоденствия народ стал бы в воздух чепчики (тюбетейки, борики, малахаи) бросать. Обвалили тенге – и тут же дружный хор экономистов, депутатов, госдеятелей запел аллилую: «Кризис – это хорошо! Девальвация – прекрасно! Инфляция – айналайын!» И я, слушая всю эту ахинею-хрень, испытываю примерно то же, что испытывал арабский журналист, метнувший в Буша свои ботинки.

Иногда хочется хотя бы тапочками запустить в лживый-фарисейский экран.

Читаешь газеты – все только и делают, что борются с глобальным кризисом: и правительства, и корпорации, и губернаторы-акимы, и отдельные личности. Тональность одна: мы не боимся кризиса, нам не страшен серый волк, мы этот кризис шапками закидаем, мы из кризиса выйдем еще более сильными. Один российский губернатор вообще запретил произносить слово «кризис». Вместо него он посоветовал говорить: «временные трудности». Еще один заявил: «Я ваш кризис и в глаза не видел». Наш казахстанец говорит: «Я кризис тенгушками закидаю». Всех же перещеголял оригинал Владимир Жириновский. Вот его метод борьбы: «Я не стригусь, бреюсь через день, кушаю очень мало, никого в гости не приглашаю, подарков никому не покупаю и прошу, чтобы мне никто не покупал». Понятно, эпатирует Вольфович в свой манере. По обыкновению дурит народ. А что, может, нам и стоит следовать его примеру. Глядишь, кризис хвост и подожмет.

По моим наблюдениям, степень кризиса можно определить по количеству государственных наград. Чем больше раздается наград, тем хуже обстоит дело. Диалектика!

Социализма, как я понимаю, мы в Казахстане так и не достроили. Коммунизм и во сне не снился. Или невзначай проскочили мимо него? Похоже, и с капитализмом что-то не совсем заладилось. Так что же мы строим? Хотя бы наши доморощенные умники мне все это как-то растолковали. А то бреду в потемках, не зная, где лево, где право...

Часто меня спрашивают: почему я не состою в какой-нибудь партии? Дело вот в чем. Я состоял в КПСС тридцать лет. Рухнула. Побыл я в партии ПНЕК (Партия народного единства Казахстана). Рухнула. Примеривался к «Асару». Рухнула. И вот подумал: вступлю в «Нур Отан», а вдруг и она... О, нет! Столько крушений я не выдержу. Доживу-ка лучше свой век беспартийным.

С любопытством читаю толстущий том Бенедикта Сарнова под названием «Сталин и писатели» (М., «Эксмо», 2008). О Сталине мне лично читать давно надоело. Но эта книга интересна и ценна тем, что в ней приведена масса документов, уйма свидетельств, даны письма писателей Сталину и Сталина – писателям. Эти документы, с одной

стороны, полнее раскрывают именитых, признанных советских писателей (и не всегда положительно), с другой, наглядно представляют саму эпоху, которую я с высоты прожитых лет еще чувствую, сознаю.

Это пока первая книга. Здесь шесть больших глав: «Сталин и Горький», «Сталин и Маяковский», «Сталин и Пастернак», «Сталин и Мандельштам», «Сталин и Демьян Бедный», «Сталин и Эренбург». В таком ключе, в такой стилистике автором задумано еще 14 глав: «Сталин и ... А.Н.Толстой, Шолохов, Замятин, Булгаков, Платонов, Зощенко, Ахматова, Пильняк, Фадеев, Бабель, Мих. Кольцов, Ник. Эрдман, Афиногенов». Значит, предстоят, видно, еще два томища. Весьма познавательное исследование, вбирающее в себя огромную эпоху со всеми сложностями, страстями, трагедиями, противоречиями, нюансами.

Все эти писатели, о которых идет в первой книге Б. Сарнова речь, крупные, колоритные, талантливые, неоднозначные, знаковые фигуры. Поражает то, что над их яркими судьбами довлеет мрачная и суровая тень личности Сталина, который всех этих писателей знал, читал, за всеми внимательно следил, получал от них письма (нередко длинные, нудные, холопские и фамильярные, как, скажем, от Демьяна Бедного), во всем разбирался, заставлял всех (и самых строптивых) считаться с собой, с линией партии, с коммунистической идеологией и диктовал настойчиво и последовательно свою несокрушимую волю. При чтении этой книги поневоле испытываешь ощущение, будто Сталин только и делал, что занимался исключительно литературно-художественными и театральными делами (не выходит из моей головы такая деталь: знаменитый артист Борис Ливанов на правительственном банкете подошел к Сталину и спросил: как ему играть Гамлета? Каково? Я не могу себе представить, чтобы наш Тунгышбай подошел бы на банкете к Назарбаеву и спросил: как ему сыграть Абылай-хана?), помимо руководства громадной империей, партийных фракционных интриг, беспощадной борьбы с противниками, индустриализации, коллективизации, советизации страны, войны с фашизмом и пр., и пр. Это поражает. Просто уму непостижимо. Все это вне человеческих возможностей. При этом названные писатели видели «вождя» прозорливо, но и он видел их насквозь. И относился к ним как главный читатель, ценитель, хвалитель и ниспровергатель. Действительно, как писал, кажется, Эренбург, Сталин – человек большого ума и большого коварства. Но мне не о том хочется сказать. В конце концов все это не моего ума дело.

Я просто подумал: если бы собрать все письма, кляузы, доносы, подхалимские и верноподданнические записки наших казахстанских писателей в несколько томов, написанных ими, скажем, Шаяхметову, Кунаеву, Назарбаеву, в КГБ и разные московские инстанции, – о-о! –

какое бы это было чтение: во-первых, наши доморощенные корифеи раскрыли бы во всей своей неприглядности свою отнюдь не благородную натуру (по-казахски выражаясь, артын ашар еді), во-вторых, нынешнее поколение узнало бы суть той эпохи, те нравы, облик своих кумиров и сделало бы подобающие выводы впрок на будущее. Ныне многие склонны все валить на то жестокое время, на тогдашнюю классовую идеологию, на Сталина и его окружение, а на себя оглядываться просто-напросто не желают. А ведь в трагедии народа в большей степени перво-наперво виноваты как раз те, кого ошибочно считают выразителями дум и чаяний народа. Е-ей, братцы мои, истинную правду еще предстоит раскрыть во всей «свинцовой мерзости». Такие вот мысли рождает серьезная и познавательная книга Бенедикта Сарнова.